

2 ТРИ КОМПОНЕНТА РЕВОЛЮЦИОННОЙ МАШИНЫ

Время задаться вопросом, не существует ли, с теоретической и практической точек зрения, такая позиция, которая избегает быть поглощенной темной и пугающей сущностью государства. Другими словами, не существует ли такая точка зрения, которая, отвергая взгляды тех, кто хотел бы механически создать конституцию, способна удержать нить генеалогии, силу конституирующих практик, в ее экстенсивности и интенсивности? Такая точка зрения существует. Это точка зрения каждодневного восстания, непрерывного сопротивления, учредительной власти.

*Антонио Негри*¹

Для того чтобы полнее рассмотреть соединение искусства и революции вплоть до настоящего времени, на этих страницах разработана обновленная концепция революции, которая избегает повествований о главных разрывах (в частности, о Французской и Русской революциях), обращаясь вместо этого к многообразию учредительных и революционных практик XIX–XX веков. Исходя из этой перспективы, можно пренебречь логикой аргументации, ничему не научившейся у Маркса, который в 1871 году осознал, что все революции «только усовершенствовали государственную машину, вместо того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар»². А потому данное исследование фокусирует внимание на дискурсивных и активистских направлениях, рассматривавших революцию как незавершенный и незавершаемый молекулярный процесс, необязательно соотносящийся с государством как с чем-то внутренне присущим и универсальным, но, напротив, возникающий до и вне государства. Вслед за

---

¹ Antonio Negri, «Constituent Republic», in: Werner Bonefeld, ed., *Revolutionary Writing. Common Sense Essays in Post-Political Politics*. New York: Autonomedia, 2003, p. 251.

² Карл Маркс, «Первый набросок к “Гражданской войне во Франции”», в кн.: Карл Маркс, Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт. М.: Издательство политической литературы, 1955–1981, т. 17, с. 544.

Антонио Негри развиваемая здесь постструктуралистская теория революции предлагает мыслить революционную машину как триаду. Три компонента революционной машины, в той мере, в какой они поддаются четкому вычленению в анализе, взаимно различаются и актуализируются по отношению друг к другу. То, что они частично перекрываются, обуславливает устойчивость как события, так и понятия революции. Революционная машина непрерывно проходит через свои компоненты: сопротивление, восстание и учредительную власть.

ОДНОМЕРНОЕ ВОССТАНИЕ КАК ЗАХВАТ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА

В противоположность полицейскому толкованию, которое смотрит на революцию исключительно с точки зрения уличных волнений и бунтов, то есть с точки зрения «беспорядка», толкование научного социализма видит в революции прежде всего коренное внутреннее изменение общественных классовых отношений.

*Роза Люксембург*³

Народные массы Февральской революции обрели выразителя своих чаяний в апреле 1917 года, когда из Цюриха в Петроград, через Германию, в plombированном вагоне вернулся Ленин. Со своей стороны, Ленин, проживший несколько месяцев в Цюрихе на улице Шпигельгассе напротив дадаистского кабаре «Вольтер» и не особенно жаловавший шумные выступления дадаистов, получил шанс принять непосредственное участие в революционных событиях — сначала в Июльском восстании, а затем в Октябрьской революции. После штурма Зимнего дворца в октябре 1917-го перед большевиками открылся путь к осуществлению Великой социалистической революции.

В этом предельно сжатом пересказе сюжета драматического революционного фильма и его героических действующих лиц мало правды; равным образом было бы невозможно адекватно описать в какой бы то ни было форме все богатство дискурсивных построений и многообразие

---

³ Rosa Luxemburg, *The Mass Strike*, <http://www.marxists.org/archive/luxemburg/1906/mass-strike/index.htm>.

революционных деяний в десятилетия до и после Октября. Тем не менее такой или похожий пересказ послужил основой для тысячи революционных нарративов: тех, что устраивали социалистические спектакли, инсценируя события 25 октября; тех, что настаивали на подрывной роли Германии в финансировании Русской революции; тех, что пытались стереть из учебников истории имя Троцкого — военного организатора и конгениального сподвижника Ленина; или тех, что просто иницировались недалекими умами, которым недоступны более сложные и длительные революционные процессы.

Ход и позднейшие интерпретации Русской революции наложили отпечаток на идеи об успешной революции больше, чем все остальные восстания, бунты и мятежи, и больше, чем традиционные теории революции; но одновременно они же и парализовали эти идеи. Такое впечатление, как будто ленинский разрыв с прошлым в 1917 году остановил движущиеся образы революции и слова, интерпретации, мечты революционного движения на какое-то время застыли в неподвижности. Долгое, непрерывное движение, присутствующее уже в латинском слове *revolvere* — революция как беспрестанное переворачивание, подобное вергилиевскому вздымающемуся и рушащемуся океану, и вновь проявившееся в употреблении термина «революция» у астрономов Нового времени в смысле «вращения звезд»⁴, — это неопровержимое процессуальное значение слова «революция» утрачивается при фиксации на образе главного разрыва.

Сколь бы ни различались, а порой и противоречили друг другу их теории, знаковые фигуры революционных движений XIX–XX веков при этом странным образом сходятся в вопросе об общей цели (хотя то, что их объединяет, в то же время ставит этой цели предел): одномерное ограничение революции одной-единственной точкой, идея революции

⁴ Ханна Арент в книге «О революции» даже описывает первое использование этого термина в политическом смысле, ссылаясь, среди прочих, на пример Англии XVII века как на «попятное движение, возвращения всего на круги своя». В некоторых случаях революция, следовательно, может парадоксальным образом означать контрреволюцию, или по крайней мере реставрацию. Однако в своих филологических-этимологических выводах Арент заходит слишком далеко, когда утверждает, что латинское слово *re-volvere* означает по существу воз-вращение исторического процесса. Это не так, поскольку приставка *re-* в латинском языке обозначает возобновление или обратное действие, а не попятное движение. См. также: Julia Kristeva, *Revolt, She Said*. Los Angeles: Semiotext(e), 2002, p. 85, 100.

как захвата государственной власти. Революция тем самым сводится к процессу захвата власти как вооруженному восстанию, посредством которого монополия государственной власти переходит в другие, «лучшие» руки. Лишь очень немногие понимали, что захват становящегося все более и более независимым государственным аппарата обернется против самих же революционных целей. Правда, одним из этих немногих был Карл Маркс, который в своем анализе истории Франции первой половины XIX века предупреждал: «Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе»⁵. Несмотря на то, что Маркс поставил под сомнение захват государственного аппарата еще в 1852 году, этот акт остается упрощенческим рецептом, лежащим в основе самых разных марксистско-ленинских дискурсов XX века: ядро революции, перевешивающее все остальное, — это захватить государство, чтобы *потом* построить новое общество.

О такого рода одномерной концепции и ее аспектах, от централизованной формы организации партии (авангардной партии) до типов субъективации классово сознательных или органических интеллектуалов как посредников в деле освобождения *других*, было уже много написано. Однако здесь необходимо особо выделить два взаимосвязанных момента этих ограничительных стратегий: во-первых, линейную, телеологическую идею, располагающую различные компоненты революционной машины как феномена в виде точек на временной шкале, которые четко отстоят друг от друга, следуют одна за другой, образуя темпоральную последовательность и порождая тем самым иерархию этих компонентов; а во-вторых, проблематичную установку на усовершенствование государственного аппарата просто путем внедрения в него новых *людей* и *содержания* без коренного изменения или обновления его формы, не ставя под вопрос *форму* государства как такового.

«Теория этапов наносит вред любому революционному движению»⁶, — писал Жиль Делёз, имея в виду ленинскую программу в «Государстве и

⁵ Карл Маркс, «18 брюмера Луи Бонапарта», в кн.: Карл Маркс, Фридрих Энгельс, *Сочинения*, в 50 тт. М.: Политиздат, 1955–1981, т. 8, с. 206.

⁶ Gilles Deleuze, «Préface. Trois problèmes de groupe», in: Félix Guattari, *Psychanalyse et transversalité. Essais d'analyse institutionnelle*. Paris: La Découverte, 2003, p. VII.

революции»: дать развиваться стихийному движению масс в первой фазе, на гребне этой стихийности возглавить массовые выступления, с тем чтобы ввести еще большую централизацию в фазе послереволюционной; сначала демократия снизу и мобилизация через Советы, потом вооруженное восстание, потом диктатура пролетариата (с маячащим где-то далеко на горизонте «отмиранием государства») ⁷. До революции партийные функционеры могут придумывать подобные модели поэтапности у себя за столом, располагая компоненты революционной машины в запланированной и, по видимости, необходимой последовательности. И как показал ход Русской революции, в каком-то смысле нет ничего невозможного в том, чтобы с успехом осуществить эту последовательность на практике. Вместе с тем развитие Советского Союза со всей очевидностью показало также и то, что именно введение подобной модели поэтапности подготавливает и закрепляет властные отношения, все больше и больше измеряя успех революционного процесса гражданской войной и захватом государственного аппарата, что в конечном счете приводит к устранению всех остальных компонентов.

В политической теории Делёза–Гваттари, противостоящей всем цепочкам революции поэтапного типа, соединение компонентов революционной машины в пограничных зонах не мыслится линейно. Компоненты не являются ни абсолютными альтернативами, которые можно противопоставить друг другу, ни чем-то таким, что подлежит идеализации в поэтапной модели первоначально оправданной стихийности с последующей централизацией, вслед за которой якобы когда-нибудь потом (а на самом деле никогда) наступит децентрализация и самоорганизация общества. В процессе анализа их можно определять по отдельности, если понадобится, но в действительности компоненты образуют непрерывно движущийся ассамбляж, где «до» и «после», «начало» и «конец» нерелевантны. Революционная машина не функционирует, начиная с некоего начала и благодаря внезапному скачку приходя к качественно иному концу. Нет, она движется через середину и посредством середины,

⁷ Уже в 1891 году Энгельс в предисловии к переизданию «Гражданской войны во Франции» Маркса писал, что окончательное разрушение государственного аппарата откладывается на неопределенный срок, «пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, не окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности» (К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 22, с. 201).

посредством нарастающей и прочной середины, где все набирает скорость. Это движение *через* означает прежде всего, что оно не идет от одной точки к другой, от одного царства к другому или от здесь и сейчас капитализма — к будущему социализма. Напротив, никакое будущее непредставимо в плане имманенции революционного перехода, так же как непредставим никакой переход к социализму или к чему-то еще, никакая идея этапов или фаз революции, никакое линейное продвижение от одной революционной стадии к следующей.

То, что разыгралось в версии Русской революции и с тех пор часто и скверно копировалось, на поверку оказалось менее всего обещающим успех: попытка использовать *политическую партию*, чья организационная структура по своей форме и задачам ориентирована на захват государства, для построения нового общества после прихода к власти. Но при создании партии власть уже учреждена, что исключает всякую учредительную власть. Учрежденная власть партии устанавливает условия, препятствующие возникновению из ее недр обновляющей, учредительной власти. Партия создается, чтобы принять участие в работе государственного аппарата или этот аппарат захватить. В фиксации на партии и государстве поиску альтернативных органов и форм организации зачастую не придается значения. «Теоретическая привилегия, которую обычно предоставляют государству как аппарату власти, определенным образом влечет за собой практическую концепцию направляющей и централизующей партии, которая захватывает государственную власть; на самом же деле, наоборот, именно эта организационная концепция партии оправдывается данной теорией власти»⁸.

Утверждение формы государства (а иногда и суеверное поклонение ей) является не только фундаментальной проблемой левых, но и постоянно возвращается в историческом опыте. Куда больше энергии тратилось — и продолжает тратиться — на удовлетворение желания захватить государство, чем на поиск и опробование альтернатив самой форме государства. Революции как захват национального государства образуют влиятельнейший аспект историографии, перевешивающий практики, не фиксированные на государстве (такие как анархо-синдикализм, Советы и различные подобные им движения или югославский опыт самоуправ-

⁸ Жиль Делёз, Фуко, пер. с франц. Е.В. Семиной. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998, с. 55.

ления), двояким образом: сначала навязывая учрежденную власть в противовес власти учредительной, а затем исключая альтернативы учрежденной власти из исторических повествований.

Там, где происходили социалистические государственные перевороты, не было и следа коренного преобразования организационных форм. Однако наступательную практику, порождающую нечто отличное от копий и вариаций того, что уже существует, можно изобрести лишь в процессе неустанного пересмотра и перепроверки форм организации, постоянно размыкая социальные структуры и не давая им становиться закрытыми. Предотвратить структурализацию в государственном аппарате — это, в терминологии Феликса Гваттари, вопрос изобретения машин, радикально ускользающих от такой структурализации. «Проблема революционной организации является по сути дела проблемой наладки институциональной машины, которую отличает особая аксиоматика и особый праксис; это означает гарантию, что она не замкнется в различных социальных структурах, прежде всего в структуре государственной, образующей, похоже, краеугольный камень господствующих производственных отношений, хотя она больше уже не соответствует средствам производства. Воображаемая ловушка, *miroir aux alouettes*, заключается в видимости, что сегодня вообще нет ничего, что могло бы быть артикулировано за пределами этой структуры. Революционный социалистический проект, поставивший себе *цель захватить политическую власть государства* и отождествивший это с инструментальным носителем господства одного класса над другим, с институциональным гарантом собственности на средства производства, поддался этому соблазну»⁹. Государственный аппарат как «соблазн», как константа желания левых, обладает здесь двойной направленностью: отсылает к желанию революционеров захватить государственный аппарат и к обманчивой, «соблазняющей» функции партии и государства, как это фактически и имело место почти на всем протяжении XX века в послереволюционных социалистических обществах.

Сегодня, в начале XXI века, после краха «реального социализма» и в условиях, когда национальное государство, по всей видимости, утрачи-

⁹ Félix Guattari, «Machine et structure», in: Félix Guattari, *Psychanalyse et transversalité. Essais d'analyse institutionnelle*, p. 247; «miroir aux alouettes» — «ловушка для жаворонка», приспособление, приманивающее птиц с помощью зеркала, сверкающего на солнце.

вает свое влияние, вопрос государства как «обманки» стоит совершенно по-другому. «Государство, как мы его знаем, пребывает сегодня абсолютно вне фундаментальных экономических процессов. Институционализация “больших рынков”, перспектива образования сверхгосударств умножают обманку в тысячу раз...»¹⁰. Подобно тому как три десятилетия спустя в своей «Империи» Майкл Хардт и Антонио Негри будут преуменьшать ответственность и все еще важную функцию национального государства¹¹, Гваттари наталкивается здесь на парадокс, разбираться с которым сегодня необходимо исходя из противоречий в ситуации одновременного расширения экономической глобализации и функции «мирового жандарма», взятого на себя одним национальным государством в «войне против терроризма»: довод в пользу захвата государственного аппарата, по идее, должен становиться менее привлекательным по мере того, как растущая сеть глобальных экономик — которую Гваттари называет «институционализацией “больших рынков”» — и наднациональные государственные организации все больше ограничивают сферу деятельности реально существующих (национальных) государств. Однако не покидает ощущение, что та же самая обманка всего лишь переместилась на другой крючок. Даже когда возникают новые структуры власти, в которых форма и функция государства поменялись, государственный аппарат продолжает оставаться центральным объектом вождения в своей зримости и уязвимости.

Это объясняется тем, как переплетения глобальной экономики, все еще существующие национальные государства и их наднациональные объединения продолжают приписывать особые функции всем этим компонентам. В то же время дискурс либеральной, представительной демократии остается почвой, предполагающей и взывающей к национальному государству как центру. Кроме того, государство снова и снова обретает новый вес как инструмент сдерживания и управления неолиберальными трансформациями. Поэтому мы оказываемся в ситуации, которая одновременно и внутри, и за пределами национального государства. За его пределами «обманка» набирает силу в виде наднациональных объединений и смешанного переплетения политики и экономики, тогда как внутри него фиксация на госу-

¹⁰ F. Guattari, «Machine et structure», p. 248.

¹¹ По поводу критики этой преждевременной «отставки» государства ср.: Giovanni Arrighi, *Lineages of Empire*, <http://multitudes.samizdat.net/Lineages-of-Empire.html>.

дарстве революционных практик и фантазии о захвате власти питаются, по-видимому, просто-напросто традиционными революционными нарративами, невзирая на изменившиеся обстоятельства.

В своем «Трактате о номадологии» и машине войны в «Тысяче плато» (1980) Делёз и Гваттари предприняли новую попытку описать взаимоотношения между государственной институционализацией и революционным движением во всей их сегодняшней сложности¹². Они проводят здесь различие между государственным аппаратом с его бинарной сегментацией и, по ту сторону суверенитета и закона государства, машиной войны, «у которой вовсе нет войны в качестве цели»¹³, во всей ее сложности и становлении. В ризоматической теории мира Делёза–Гваттари концепт машины войны крайне важен и обладает широким диапазоном применения. «Война» здесь не означает ни естественное состояние, как полагал Гоббс, каковое надлежит преодолеть, ни полностью подчиненное средство государственного аппарата. Напротив, различие между машиной войны и государственным аппаратом не похоже на черно-белую схему, которая последовательно противопоставляла бы машину войны — как машину революционную — реакционному государству¹⁴. Отношение апроприации между войной и государством может поворачиваться в пользу обеих сторон. Классической моделью будет та, согласно которой государство апроприирует машину войны, превращая ее в инструмент. Между тем, функция машины меняется в соответствии с особыми условиями ее применения. Многонациональная сеть глобализирующейся экономики, например, сама по себе не является государственным аппаратом, распределяющим, сегментирующим и «ведущим подсчет» участков пространства. Это в большей степени абстрактная машина, создающая ровное пространство, предназначенное покрыть и контролировать всю планету, а тем самым и государственные аппараты. Государственный аппарат может использовать эту машину с помощью особого соединения сегментов, и тем не менее машина не зависит от государственного аппарата.

¹² Жиль Делёз, Феликс Гваттари, *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*, пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского, науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2010, с. 712–713.

¹³ Там же, с. 710.

¹⁴ Делёз и Гваттари и сами указывали на эту двойственность машины войны в ряде мест. См., например: Ж. Делёз, Ф. Гваттари, *Тысяча плато*, с. 712–713.

Делёз и Гваттари подхватывают здесь фукианское переворачивание знаменитого высказывания Клаузевица: политика (абстрактной машины, апроприированной глобализированной экономикой) — это продолжение (потенциальной) войны (еще не апроприированной машины войны против государственного аппарата) другими средствами (средствами тотальной войны / «тотального мира», которые стремятся к уничтожению/захвату/контролю не государственного аппарата и его армии, но населения). «Можно было бы сказать, что присвоение изменило направление или, скорее, что Государства стремятся к тому, чтобы ослабить, реконструировать огромную машину войны, частями которой они только и являются — противоположными ей или приложимыми к ней»¹⁵.

Эта всемирная абстрактная машина — вновь появившаяся из государственного аппарата — обнаруживает, согласно Делёзу–Гваттари, две последовательные фигуры. Первая фигура — это фигура фашизма, она организует тотальную войну как бесконечное движение. Вторая является постфашистской фигурой и зарождается в период «холодной войны» из сочетания имперского советского коммунизма и «войны с коммунизмом», сегодняшняя разновидность которой состоит в параллельном движении возрастающей ригидности эффектов экономической глобализации и полицейских акций в «войне с террором». Для Делёза–Гваттари эта абстрактная машина, в отличие от тотальной войны фашизма, имеет своей целью тотальный «мир», форму тоталитарного террора, называемого миром. «Саму тотальную войну превосходит форма еще более ужасающего мира. Машина войны выбрала себе целью мировой порядок, и Государства теперь — не более чем объекты или средства, соответствующие этой новой машине»¹⁶. И хотя глобальная политическая ситуация заведомо исключает слишком простые объяснения, сложные взаимоотношения национальных государств и транснациональных/глобальных негосударственных сетей можно по-прежнему прекрасно объяснить, даже после 11 сентября, отношением между государственным аппаратом и машиной войны: «...надо проследовать за реальным движением, в результате которого Государства, присвоившие машину войны и приспособившие ее к своим целям, возвращают машину войны, которая принимает

¹⁵ Ж. Делёз, Ф. Гваттари, *Тысяча плато*, с. 713.

¹⁶ Там же.

цель, присваивает Государства и берет на себя все более широкие политические функции»¹⁷.

В таком контексте отношения между революцией и захватом государственной власти становятся все более запутанными. Если в начале прошлого века захват государства еще имел по крайней мере характер фантазма, после более фундаментальной дискуссии о форме государства государственный аппарат становится все туманнее в качестве реальной, конкретной цели. Или нам следует допустить, что цели революции, возможно, всегда были туманными, и что по причине этой туманности она постоянно сбивалась на простое желание захватить государственный аппарат?

Левые теоретики XIX века прекрасно осознавали ключевую проблему коренного изменения — упразднение государственного аппарата и развитие новых форм организации общества (при том что эти формы не должны быть определены заранее). В «Гражданской войне во Франции», например, несмотря на подробный анализ Парижской Коммуны, Маркс не указывает в точности, что произойдет или должно произойти после свержения государственной власти. Причина этого в том, что ни Совет Коммуны, ни рабочие Советы, ни Советы рабочих и крестьян нельзя превратить в застывшую модель; наоборот, каждое сражение порождает свои собственные новые формы организации. Вопреки этому, однако, в социалистической действительности идея отвердевает во фразу, например в знаменитое ленинское «советская власть плюс электрификация всей страны», подобно тому как в позднейших, предпринятых из благих побуждений интерпретациях исторических революций новые формы организации всего лишь провозглашались, но никогда не опробовались на практике.

В предисловии к своей книге о Ленине Славой Жижек высказывает предположение, что ленинский проект в 1917 году включал в себя радикальное требование разрушить буржуазное государство, что означает государство *как таковое*, и создать новую форму коллективной жизни, «где каждый мог бы участвовать в решении социальных вопросов»¹⁸. Принимая во внимание последующие исторические события, такая

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ Славой Жижек, *13 опытов о Ленине*, пер. с англ. А. Смирнова. М.: Ад Маргинем, 2003, с. 8–9.

интерпретация выглядит сильным преувеличением. Как бы там ни было, для меня суть книги Жижека — в некотором смысле вопреки воле ее автора — в том, что имя Ленина символизирует в ней распространенный дискурс о возможных формах политики, зародившийся в конце XIX — начале XX веков. Этот дискурс отнюдь не был раз и навсегда определен (даже и в 1917 году), но заимствовал из множества позиций, что и объясняет гибкость собственной позиции Ленина и его сочинений. В широком спектре социал-демократических, социалистических, коммунистических, анархистских и анархо-синдикалистских позиций, постоянно открывавших новые ориентиры, имелись бесконечные возможности для изобретения и комбинирования революционных машин. Наконец, этот дискурс поучителен и при сравнении и выделении сегодняшних проблем.

Таким образом, если книга Жижека представляет собой попытку «повторить Ленина»¹⁹, и прежде всего Ленина, исчезнувшего за множасьими догмами марксизма-ленинизма, я бы призвал, для пущей краткости, повторить *дискурс* «Ленин»: дискурс, возникший главным образом в годы между двумя революциями 1905-го и 1917-го в Европе, причем не только в работах самого Ленина, но формулирующий многое из того, что рождалось в спорах вокруг Второго интернационала, социал-демократии и профсоюзов, взаимоотношений социалистических и анархистских движений, большевиков и меньшевиков, о подходящих формах организации, партии-авангарда и диктатуры пролетариата, об отношениях между стихийными действиями и организацией с постоянными кадрами, о пролетарских и политических всеобщих стачках; все они заслуживали бы сегодня «повторения» — или, по крайней мере, сознательного неповторения. Едва ли не по аналогии с ленинским решением не писать седьмую, заключительную главу «Государства и революции» — «Об опыте русских революций 1905 и 1917 годов» — Жижек все больше замалчивает этот дискурс, сосредоточиваясь вместо этого на единоличных решениях своего протагониста.

---

¹⁹ С. Жижек, *13 опытов о Ленине*, с. 252–253: «Повторить Ленина — значит признать, что “Ленин мертв”, что его частное решение потерпело провал, даже чудовищный провал, но именно эту утопическую искру в нем стоит сберечь. <...> Повторить Ленина — значит повторить не то, что он делал, а то, что он не сумел сделать, его упущенные возможности».

По аналогии с промежутком Французской революции, имевшим место между 1789 и 1793-м годами, повторение Русской революции, согласно Жижеку, стало необходимым, потому что «первая революция» упускает не содержание, а саму форму — она сохраняет прежнюю форму, делая тем самым необходимой вторую революцию²⁰. В отношении теоретизации восстания — как разрыва, каковой отнюдь не являлся одномерным, — именно так, без сомнения, и было, однако другие компоненты революционной машины остались проигнорированными. В самом деле, фундаментальный вопрос в этом контексте таков: почему за второй революцией не последовало также и третьей? Почему не было той же бесконечной череды переворотов, отвечающих на захват государственного аппарата, на паралич и структурализацию организационной формы беспрестанным переизобретением организации? Ведь даже после Октября 1917-го государство как таковое было вовсе не уничтожено, а вскоре после Октябрьской революции поутихли и лозунги «Вся власть Советам!», и обещания заменить государственный аппарат новыми формами общественного самоуправления наподобие коммуны. В особенности же Ленин и большевики не спешили заменить государственный аппарат Советами; они не стали поддерживать эту настолько же стихийную, насколько и удачную форму организации рабочих и солдат. Вместо этого под именем «диктатуры пролетариата» и при посредстве идеологических фигур «перехода» и «отмирания государства» больше, чем что бы то ни было, продолжала расширяться власть партии.

В связи с решениями, принимавшимися в 1917 году до и после Октябрьской революции, Гваттари подчеркивал, что ленинская партия, в частности, никоим образом не была готова к тому, чтобы «поощрять первоначальный процесс институционализации, как то первоначально происходило при развитии Советов»²¹. Наоборот, вместо того чтобы использовать возможность продолжающегося и потенциально перманентного восстания, эта партия, «вчера еще скромная подпольная организация», развилась в «зародыш государственного аппарата»²². За устранением от власти Советов последовали ликвидация, а позднее преследование любой

²⁰ Там же, с. 12.

²¹ Félix Guattari, «La causalité, la subjectivité et l'histoire», in: Félix Guattari, *Psychanalyse et transversalité. Essais d'analyse institutionnelle*, p. 186.

²² G. Deleuze, «Préface. Trois problèmes de groupe», p. V.

оппозиции. В организационной сфере это привело к «краковому размножению технократов — в политике, в сыске, в армии, в хозяйстве»²³.

Славой Жижек, однако, не только настаивает на фигуре Ленина как главного действующего лица 1917 года, что практически сводит на нет дискурс «Ленин» предыдущего долгого десятилетия, но и полностью обходит молчанием проблематичные тенденции — впервые проявившиеся, конечно же, не при Сталине — в ленинской послереволюционной политике. Он хочет возродить Ленина 1917 года, Ленина, который настаивал на разрыве, отделяющем политическую борьбу всевозможных партий и низовых движений от того, что конкретно стояло на кону: немедленный мир, раздача земли крестьянам, «вся власть Советам». «Этот разрыв — разрыв между революцией как воображаемым взрывом свободы и возвышенного энтузиазма, волшебным моментом всеобщей солидарности, когда “все кажется возможным”, и напряженной работой по общественному переустройству, которая должна быть выполнена, если этому взрыву энтузиазма суждено оставить свой след в косном здании общества»²⁴. Заглядывая под личину провозглашаемого Лениным/Жижekom отделения революционного события от непрерывной организационной работы (подозрительно называемой здесь переустройством), восстания от учредительной власти, мы вновь сталкиваемся лицом к лицу с главной проблемой: два соотносящихся компонента насильственно помещаются в поэтапную или фазовую модель. Между тем точно так же, как невозможно оторвать Февральскую и Октябрьскую революции от революционной микрополитики 1917 года, так и любое разделение выводит из строя компоненты революционной машины. Как редукция событий 1917 года к двум революциям пренебрегает молекулярностью и процессуальностью революционных практик, так и редукция революционной машины к восстанию затушевывает компоненты сопротивления и учредительной власти, в равной и нераздельной степени конституирующих революцию.

²³ F. Guattari, «La causalité, la subjectivité et l'histoire», p. 186.

²⁴ С. Жижек, *13 опытов о Ленине*, с. 11.

ДВУМЕРНЫЙ КРИК

Мы видим, что определенный революционный тип невозможен, но в то же время понимаем, что возможным становится другой тип — не через посредство определенной формы классовой борьбы, а через посредство молекулярной революции, каковая приводит в движение не только общественные классы и индивидов, но также машинную и семиотическую революцию.

*Феликс Гваттари*²⁵

1 января 1994 года Сапатистская армия национального освобождения (САНО) заняла Сан-Кристобаль-де-лас-Касас и шесть других муниципальных центров штата Чьяпас, расположенного в юго-восточной Мексике. САНО опиралась на самоуправляющиеся индейские общины и их десятилетний опыт сопротивления (хотя сами сапатисты говорят о «пятисотлетнем сопротивлении коренных жителей», начиная с «открытия» Колумба). Участвуя в восстаниях коренного населения Лакандонской сельвы — индейцев Цельталь, Цоциль, Чоль, Тохолабаль, — сапатисты сражались под девизом «Ya basta!» («С нас хватит!»), выступая против ужасающих условий жизни *Indígenas* не в одном только Чьяпасе. Уже через двенадцать дней после начала вооруженного конфликта мексиканское правительство объявило о прекращении огня. На последовавших затем переговорах восставшие, со скрытыми под «балаклавой» в знак коллективной анонимности лицами, твердо настаивали на абсолютной прозрачности и общенародном характере своей борьбы. Летом 1996 года несколько тысяч людей из сорока стран были приглашены для участия в «межгалактической встрече» в сельве; вторая подобная встреча прошла в Испании в 1997 году — как пример открытости и транснационализации сапатистского движения. В это же время создается «Народное глобальное действие» — сеть, сыгравшая важную роль в антиглобалистском движении. В сентябре 1997 года 1111 сапатистов совершают поход в Мехико-Сити, чтобы обнародовать свои требования. В марте 1999 года по стране уже шагало пять тысяч сапатистских делегатов. В марте 2001 года двадцать четыре делегата САНО предприняли поход по нескольким штатам, завер-

²⁵ Félix Guattari, *Wunsch und Revolution. Ein Gespräch mit Franco Berardi (Bifo) und Paolo Bertetto*. Heidelberg: Das Wunderhorn, 2000, S. 69.

шив его в столице, где представили Национальному конгрессу свои условия возобновления диалога с правительством. Хотя готовность вести переговоры с правительством о законопроекте по улучшению условий жизни может показаться реформистской, революционный аспект этой практики состоит в отклонении форм господства и организации прямо посреди переговоров: ежедневные пресс-конференции во время бесед с представителями правительства, приглашение на переговоры советников и гостей, принятие коллективных решений путем голосования и постоянная возможность отзыва делегатов приводят к деконструкции отношений власти и к политике ускользания от представительства и классификации, что создает возможность одновременно опробовать альтернативные формы общественной организации.

В своей теории, на которую сильное влияние оказало сапатистское движение, Джон Холлоуэй предостерегает против отделения существующего от мыслимого, того, что есть, от того, что могло бы быть: «Мы тянемся за собственные пределы, мы существуем в двух измерениях... Мы живем в несправедливом обществе, но хотим, чтобы было по-другому...»²⁶ Эти два неразрывно связанных между собой измерения коллективного крика — как крика ужаса и в то же время надежды — обуславливают в равной степени сцепленные компоненты революционной машины, а именно сопротивление и экспериментальное опробование учредительной власти. Предложенную формулу второго измерения — выходить за пределы того, что есть, — следует также понимать и как указание на то, что речь не идет о дихотомии, противопоставляющей сопротивление реальному, существующему на данный момент миру, с одной стороны, далекой от реализации утопии, с другой. Скорее, речь идет о первых шагах на кажущуюся новую территорию, которая расположена на территории старой, борющихся с этой старой территорией и одновременно использующих ее, дабы преобразовать в нечто иное. Конечно, это только кажется, что на кону стоит совершенно новая территория. Территориальное приобретение может иметь место только в одном и том же плане имманенции, как единственно возможной площадке для изменения и эмансипации, и все же исток любых преобразований именно здесь. На этом мостике между действительным и возможным в ход идут обе карты:

---

²⁶ John Holloway, *Change the World Without Taking Power. The Meaning of Revolution Today*. London; Ann Arbor, MI: Pluto Press, 2005, p. 6.

«будучи за пределами меры как орудие разрушения (деконструктивное в теории и подрывное на практике) и будучи по ту сторону меры как учредительная власть»²⁷.

Неразрывно переплетенные между собой измерения «крика против» и «движения способности к...», как называет Холлоуэй два компонента сопротивления и учредительной власти, лучше всего обнаруживаются «в тех видах борьбы, которые сознательно носят характер предвосхищения, в которых борьба нацелена, по своей форме, не на воспроизведение структур и практик того, с чем она борется, а на создание того типа общественных отношений, который представляется желательным»²⁸. Здесь вновь повторяется призыв не стремиться к одному лишь захвату государства. Именно в гуще разнородных форм сопротивления и должно происходить экспериментирование с тем, что представляется желанным в качестве «справедливого мира»; его не следует откладывать на далекое будущее или переносить в неопределенную точку времени после революции. Примеры взаимодействия сопротивления и экспериментов с новыми формами организации, которые приводит Холлоуэй, не столько зрелищны, сколько конкретны: «Забастовки, которые не просто останавливают работу, но указывают на альтернативный образ действий (предоставляя бесплатный транспорт, другой тип медицинского обслуживания); протесты в университетах, которые не просто закрывают университет, но предлагают другой опыт обучения; захваты зданий, которые превращают эти здания в социальные центры, центры для другого типа политической деятельности; революционная борьба, которая пытается не просто свергнуть правительство, но преобразовать опыт общественной жизни»²⁹.

Все эти примеры указывают на связь между сопротивлением и учредительной властью. В замечаниях Делёза и Гваттари по поводу машины войны отношение взаимодействия двух компонентов также описывается как дополнительное: «Если герилья, если война меньшинства, если народная и революционная война соответствуют ее сущности [машины войны], то именно потому, что последние принимают войну в

²⁷ Майкл Хардт, Антонио Негри, *Империя*, пер. с англ., под общей ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Практикс, 2004, с. 342 (перевод изменен. — *Прим. перев.*).

²⁸ J. Holloway, *Change the World Without Taking Power*, p. 153 f.

²⁹ *Ibid*, p. 213.

качестве цели, или объекта, тем более необходимого, что он лишь “дополнительный”, — они могут создать войну лишь при условии, что создают, одновременно, что-то еще...»³⁰. Этот пассаж обретает особую яркость, если мы, принимая специфическую терминологию Делёза и Гваттари, обращаемся к примеру сапатистских восстаний: сапатистская машина войны вообще не соответствует способу ведения войны, нацеленному на «захват» власти или ликвидацию тех, кто находится «у власти». Она вращается вокруг такого способа ведения войны, который рассматривает революцию как растворение государственного аппарата в социальном контексте, в то же время непрерывно переизобретая социальные сети этого контекста.

Однако сапатистская машина войны тоже не застрахована от превращения в государственный аппарат путем структурализации или от присвоения государственным аппаратом, который злоупотребит ею, используя в целях ведения войны. И тем не менее, благодаря технике перманентного вопрошания (соответствующий девиз сапатистского движения гласит: «preguntando caminamos», «продвигаемся, вопрошая») и неустанной критической рефлексии о собственном управлении («mandar obedeciendo», «командовать, подчиняясь»), подобная структурализация становится более проблематичной, чем при воинственном жесте захвата власти: «Необязательно завоевывать весь мир. Нам достаточно создать его по-новому»³¹.

СОПРОТИВЛЕНИЕ, ВОССТАНИЕ И УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ КАК НЕРАЗДЕЛИМЫЙ ТРЕХМЕРНЫЙ ПРОЦЕСС

Движения и авторы, выступавшие против одномерных идей революции как захвата государственного аппарата, начиная с XIX века считали себя, как правило, анархистами (или их так идентифицировали/клеямили). Поэтому неудивительно, что в некоторых элементах сапатистской практики мы находим отголоски основателя антиэтатистского социетарного анархизма Пьера Жозефа Прудона, мечтавшего о том, что в тени полити-

³⁰ Ж. Делёз, Ф. Гваттари, *Тысяча плато*, с. 715–716.

³¹ «Primera Declaración de La Realidad», in: *La Jornada*, 30.1.1996; цит. по: J. Holloway. *Change the World Without Taking Power*, p. 20.

ческих институтов общество сможет постепенно, мирным путем перестроиться на новый лад. Однако идея учредительной практики, роющей, подобно кроту, подземные ходы, — особенно если она лишена наступательного напора, как это предполагал Прудон, — обнаруживает значительный изъян на территории регенерирующего капитализма (а также позднего капитализма). Чтобы прояснить этот недостаток, необязательно даже ссылаться на Маркса и его критику, гласящую, что взаимный кредит, устранение торговых посредников и беспроцентные займы суть лишь незначительная реформа в рамках существующих политических моделей представительства, которые остаются незатронутыми³². Дуализм революции и реформы вряд ли уместен в данном контексте, поскольку он теоретически выстраивает непреодолимый барьер между двумя позициями, установленными в качестве абсолюта. В молекулярной революционной практике ни революционный пафос главного разрыва, ни пренебрежение фундаментальной критикой общества не обнаружить в их чистом виде.

Как бы то ни было, идея, что государственные аппараты и революционные машины могут просто мирно сосуществовать, как это подразумевает позиция Прудона, живя своими параллельными жизнями, без взаимных референций и конфликтов, неприемлема: она подразумевает, по выражению Робеспьера, «революцию без революции». В отличие от Прудона, Джон Холлоуэй поэтому настаивает — используя терминологию Спинозы, — что *potentia* («способность к...», иными словами, «созидательная» или учредительная власть) не есть альтернатива, просто мирно сосуществующая с *potestas* («властью над...»: «инструментальной» или учрежденной властью). «Может показаться, что мы способны просто возвращать свой собственный сад, создавать свой собственный мир братских отношений, отказаться марать руки грязью власти, но это иллю-

---

³² Маркс формулирует эту критику в «18 Брюмера Луи Бонапарта», в том месте, где обращается к впадению пролетариата в доктринерство после поражения июньского восстания 1848 года: «Часть пролетариата пускается на доктринерские эксперименты, создание меновых банков и рабочих ассоциаций — другими словами, в такое движение, в котором он отказывается от мысли произвести переворот в старом мире, пользуясь совокупностью заложенных в самом старом мире могучих средств, а пытается осуществить свое освобождение за спиной общества, частным путем, в пределах ограниченных условий своего существования и потому неизбежно терпит неудачу» (К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 8, с. 126–127).

зия... реализация “способности к...” так, чтобы она не фокусировалась на создании стоимости, может существовать только в антагонизме с “властью над...” — существовать как борьба»³³. Удержание альтернатив тому, что Холлоуэй называет «инструментальной властью», на якобы «невинном» расстоянии от этой последней, в границах их собственной территории, склонно приводить к «величественной изоляции», а не к стремлению изменить общество. Ошибка, исходящая из ложного предположения о возможности жить праведной жизнью в несправедном мире, заключается в идее, что независимая территория может существовать параллельно, за пределами глобально интегрированного капитализма. Поэтому-то Холлоуэй и считает взаимоотношения между «созидательной» и «инструментальной» властью антагонистичными. Однако в диаграмме сил сопротивления и власти любая контрвласть — включая и «созидательную власть» Холлоуэя в ее антагонизме с «инструментальной властью» — содержит в себе потенциальную возможность оказаться кооптированной. Так, в добавление к сопротивлению и учредительной власти, в добавление к «крику гнева» и «творческой способности» появляется третий компонент — компонент, который принимает в расчет соединение этих «криков».

По итогам опыта первых лет самоуправления в рабочих ассоциациях Прудон утратил свой оптимизм по поводу того, что основанное на взаимопомощи рабочих анархистское самоуправление восторжествует автоматически. Желанное преобразование общества не может произойти тихо и бесшумно. Сопротивление и учредительная власть могут оказаться неэффективными и безобидными там, где они не могут быть четко артикулированы, где они не манифестированы в своей готовности к конфронтации, своей массовости, своей ниспровергающей активности. Такая непрямолинейность аспектов, не попадающих в сферу репрезентируемого, тоже является техникой представительства как господства. Эта техника разделения на то, что предъявлено, и то, что не предъявлено, — не столько в плане зримости отдельных групп, сколько в качестве фундаментальной манифестации возможного соединения практик сопротивления, — может быть атакована, когда революция, подобно кроту, выходит на поверхность. Именно здесь, наконец, и вступает вновь в игру

---

³³ J. Holloway, *Change the World Without Taking Power*, p. 37.

измерение восстания, но на сей раз уже не как одномерная идея захвата государственной власти, а как третий компонент в нераздельной триаде революционной машины.

Антонио Негри начал разрабатывать концепцию этой триады в 1993 году в эссе о конституционной теории «Repubblica Costituente» («Учредительная республика»). Отрывок, процитированный в эпиграфе к данной главе, взят из этого эссе: «Время задаться вопросом, не существует ли, с теоретической и практической точек зрения, такая позиция, которая избегает быть поглощенной темной и пугающей сущностью государства. Другими словами, не существует ли такая точка зрения, которая, отвергая взгляды тех, кто хотел бы механически создать конституцию, способна удержать нить генеалогии, силу конституирующих практик, в ее экстенсивности и интенсивности? Такая точка зрения существует. Это точка зрения каждодневного восстания, непрерывного сопротивления, учредительной власти»³⁴.

Почти десятилетие спустя та же идея о трех компонентах революционной машины вновь появляется в другом тексте, уже как «три элемента контрвласти». В лекции, прочитанной для 1-й Платформы на 11-м Документе, Негри и его соавтор Майкл Хардт представили важнейшие пункты своего бестселлера «Империя», уточнив и дополнив их размышлениями о модернистских и постмодернистских видах контрвласти. «Мы должны мыслить сопротивление, восстание и учредительную власть как нераздельный процесс, в котором три этих элемента слиты в полновесную контрвласть и, в конечном счете, в новую, альтернативную общественную формацию»³⁵. Хардт и Негри доказывают, что сопротивление, восстание и учредительная власть были оторваны друг от друга в эпоху Нового времени, отмеченную национальным пространством и национальным суверенитетом, что их рассматривали как внешние по отношению друг к другу и либо задействовали исключительно по отдельности как разные революционные стратегии, либо они работали в разные исторические моменты. Только теперь, в свете холодной войны и тенденции к снижению роли национального государства (и национального восстания, вновь и вновь возвращавшегося к своему истоку — войне

³⁴ A. Negri, «Constituent Republic», p. 251.

³⁵ Michael Hardt and Antonio Negri, *Globalization and Democracy: Paper at Documenta 11, Platform 1*, Vienna, 20.4.2001.

между нациями) возможно мыслить сопротивление, восстание и учредительную власть как континуум, а сами три эти компонента — как имманентные друг другу³⁶. Как показывает пример Парижской Коммуны, приведенный ниже, это историческое разграничение между эпохой великих восстаний и эпохой «Империи», сделанное на основе нечетко очерченного исторического процесса, не всегда надежно, хотя вывод, несомненно, бесспорен: триаду революционной машины следует всегда мыслить как взаимосвязанную, но каждый из трех компонентов развивает собственную форму и облик в соответствии со своим контекстом во времени и пространстве.

В том, что касается детального анализа трех компонентов в современных революционных контекстах, разработка и конкретизация триады у Хардта–Негри оставляет пока некоторые вопросы открытыми. И в плане теории, и в плане примеров они высказываются слишком расплывчато. Они ни объясняют соединения триады, ни отвечают на вопрос о том, как, в частности, мыслить восстание в эпоху «Империи».

Между тем не только восстание пытается отыскать иную форму в эпоху все возрастающего ограничения суверенных национальных государств и изменения их функции; сопротивление и учредительная власть также следуют разным моделям в разных исторических и геополитических контекстах. Соответственно и вопрос о потенциальных соединениях микрополитического сопротивления, каждодневного восстания и учредительной власти как коллективного изобретения новой социально-политической «конституции» необходимо проблематизировать в каждом случае по-разному. Если триаду концептов мыслить не как последовательность во времени, по схеме «сначала сопротивление — потом восстание — потом создание нового общества», три компонента развиваются как разветвленный процесс, пересекающий различные пространства в плане имманенции. Тем не менее ниже три этих компонента будут рассмотрены по отдельности, дабы открыть их заново и конкретизировать (имплицитно или эксплицитно) по ходу книги в разных исторических контекстах.

---

³⁶ M. Hardt and A. Negri, *Globalization and Democracy*, p. 380–382.

ПЕРВИЧНОСТЬ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Путь тотального полицейского контроля над всякой человеческой деятельностью и путь неограниченного свободного созидания всякой человеческой деятельности — это один путь: ...Мы с необходимостью находимся на том же пути, что и наши противники, чаще всего их опережая, но мы должны там находиться, без всякого смущения, в качестве противников. Победит сильнейший.

*Ситуационистский Интернационал*³⁷

Согласно Мишелю Фуко, там, где есть власть, есть и сопротивление; «...и все же, или скорее: именно поэтому сопротивление никогда не находится во внешнем положении по отношению к власти»³⁸. Даже если по отношению к власти нет ничего абсолютно внешнего, это тем не менее не означает, что сопротивление с необходимостью и абсолютно зависит от власти. Точнее, для Фуко «строго реляционный характер властных отношений» не означает, прежде всего, что сопротивление является всего лишь следствием, негативной формой власти — и, тем самым, слабейшей стороной, которая всегда лишь пассивна. Во-вторых, сопротивление надлежит мыслить как разнородное, как множественность точек, узловых пунктов и очагов сопротивления, а не как радикальный разрыв в *одном* каком-то месте великого Отказа; не как массовое выступление, устанавливающее две фундаментальные противоположности, не как антагонизм, но как неравномерно распределенное множество точек сопротивления в столь же разнообразном ландшафте подвижных расколов и границ. Такое понимание сопротивления как множественности соотносится с идеей власти, которая больше уже не является единообразной. Фуко понимает власть не как тотальность институтов и аппаратов, обеспечивающих порядок буржуазного государства, а как многообразие силовых отношений, организующих территорию.

В своей книге «Фуко» Жиль Делёз указывает на конкретное историческое происхождение фукианской теории власти и сопротивления:

³⁷ Situationist International, *Now, the SI*, <http://www.cddc.vt.edu/sionline/si/nowthesi.html>.

³⁸ Мишель Фуко, «Воля к знанию», в кн.: Мишель Фуко, *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*, сост., пер. с франц., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М.: Магистериум; Касталь, 1996, с. 195–196.

около и после 1968 года возникли попытки разработать теоретические подходы, направленные «как против марксизма [обозначающего здесь марксистско-ленинские течения и партии в рамках “реального социализма”, а также в западноевропейских странах, особенно во Франции и Италии], так и против буржуазных концепций»³⁹. К этому надо прибавить практический опыт локальной борьбы, который Фуко и другие приобрели в 1970-х годах благодаря участию в различных трансверсальных группах. Какое-то время этим группам удавалось не впадать в «детскую болезнь коммунизма», тотализации, централизации и структурализации, но, напротив, поддерживать связь между разными видами борьбы. В случае Фуко это относилось главным образом к его участию в «Группе информации по тюрьмам», которая добывала и распространяла информацию, касавшуюся условий содержания заключенных во французских тюрьмах. Исходя из этого опыта, Фуко увидел власть как то, что «скорее отправляется, нежели принадлежит; она не “привилегия”, приобретенная или сохраняемая господствующим классом, а совокупное воздействие его стратегических позиций»⁴⁰. Спротивление мыслимо только в стратегическом поле этих отношений власти, которые отнюдь не единообразны и которые нельзя понимать как линейное господство одной группы над другой. В плотной ткани отношений власти, пронизывающей аппараты и институты, сопротивление не является всего лишь негативной функцией власти, связью, которая должна сперва порвать с системой власти, в конечном счете — ее пассивной/реактивной изнанкой. «Они [различные формы сопротивления] являются другим полюсом внутри отношений власти; они вписаны туда как некое неустранимое визави»⁴¹. В этой «последней карикатуре власти» (Джудит Батлер) Фуко, таким образом, настаивает на соположении, а не на последовательности власти и сопротивления — в ассамбляже, каковой не является тотальностью, но целиком и полностью гетерогенен, сохраняя в то же время невозможность помыслить нечто внешнее этому отношению.

Левые дискурсы пытались оспорить анализ Фуко, особенно имманентный аспект переплетения власти и сопротивления, отрицающий

³⁹ Ж. Делёз, *Фуко*, с. 47.

⁴⁰ Мишель Фуко, *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*, пер. с франц. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ад Маргинем, 1999, с. 41.

⁴¹ М. Фуко, «Воля к знанию», с. 197.

возможность радикальной эмансипации как выхода вовне (в смысле освобождения, выводящего в область, которая лежит вне отношений власти). Рецепция Фуко, соответственно, имеет тенденцию обращаться к образам тупика, больничной палаты, неотвратимой тотальности⁴². Многие ошибочно приняли его анализ за призыв к капитуляции, как отрицание возможности революции. Сложность и многогранность концепта сопротивления у Фуко представляется Джону Холлоуэю, например, «богатством стоп-кадра или живописного полотна», лишенного развития, главным образом по причине того, что «образ действий и их антагонистическое существование» не находятся в центре размышлений Фуко. С этой точки зрения анализ Фуко предлагает сколько угодно примеров сопротивления, но не возможность эмансипации. «Единственная возможность — это бесконечно подвижная констелляция власти-и-сопротивления»⁴³. По-видимому, Фуко и сам разделял это сомнение, что, вероятно, и привело его в конце 1970-х и 1980-е годы к неожиданному переходу от исследования власти и знания к проблематизации самоуправления и «заботы о себе». Об этом повороте в размышлениях Фуко Делёз пишет так: «...не запер ли он себя в рамки отношений власти? Возразил он себе сам следующим образом: “Хороши же мы, с нашей неизменной, всегда одной и той же *неспособностью пересечь линию*, перейти на другую сторону...”»⁴⁴.

Даже если такой переход «на другую сторону» выглядит невозможным в рамках концепции Фуко, тем не менее это не означает, что нужно отбросить мысль о всяком освободительном воздействии сопротивления. Джудит Батлер, например, указывает на характерную черту, которая делает фукианскую концепцию сопротивления, в отличие от лакановской,

⁴² См.: Gerald Raunig, «Walking Down the Dead-End Street and Thought to the Other Side. Lines of Flight of (from) Governmentality», in: *Open House. Kunst und Öffentlichkeit*. Vienna; Bozen: Folio, 2004, S. 140–144; ср. также: «И если в “Воле к знанию” Фуко обнаруживает, что зашел в тупик, то произошло это не из-за какого-либо неправильного представления о власти, а, скорее, из-за того, что он обнаружил тупик, в который нас заводит сама власть — как в нашей жизни, так и в нашей мысли...» (Ж. Делёз, Фуко, с. 126).

⁴³ J. Holloway, *Change the World Without Taking Power*, p. 40.

⁴⁴ Ж. Делёз, Фуко, с. 124. Оригинальная цитата взята из «Жизни бесславных людей» Фуко.

вполне продуктивной в контексте освобождения⁴⁵. В то время как Лакан помещает сопротивление в области, где оно вообще никак не способно изменить то, чему противостоит, в случае Фуко сопротивление направлено именно против власти, эффектом которой оно является (в той же мере, в какой и порождает ее). Соответствующие высказывания можно найти в работах Фуко, и звучат они вполне недвусмысленно: «Подобно тому, как сетка отношений власти в конечном счете образует плотную ткань, которая пронизывает аппараты и институты, в них не локализуясь, точно так же рой точек сопротивления пронизывает социальные стратификации и индивидуальные единства. И несомненно, стратегическое кодирование этих точек сопротивления и делает возможной революцию, отчасти подобно тому, как государство основывается на институциональной интеграции отношений власти»⁴⁶.

Наиболее очевидное расхождение между Фуко и Холлоуэем коренится в разных концептах власти у этих двух авторов. Фуко вполне мог бы согласиться с Холлоуэем, что мир можно изменить и без захвата (государственной) власти. С другой стороны, однако, в теоретизации власти и сопротивления у Фуко отсутствует все то, что Холлоуэй называет основополагающим антагонизмом: инструментальная власть («власть-над») как *антагонистичная* форма созидательной власти (способности-к). Согласно Холлоуэю, упразднение инструментальной власти с целью высвобождения власти созидательной требует радикальной антивласти. Согласно Фуко, введение такого рода дихотомии в вопрос о власти остается проблематичным. Идет ли речь о концепте антивласти, как у Холлоуэя, или же контрвласти, как у Негри–Хардта, Фуко не видит гетерогенного взаимозамыкания власти и сопротивления как противоположностей.

В то же время их явно объединяет тезис о зависимости власти от сопротивления. Для Холлоуэя инструментальная власть тоже представляет собой не что иное, как метаморфозу созидательной власти, и, стало быть, полностью зависит от этой последней. Во взаимообмене между французскими постструктуралистскими теориями и итальянскими постмарксистскими/операистскими теориями эта модель — в которой также

⁴⁵ Judith Butler, *The Psychic Life of Power. Theories in Subjection*. Stanford, California: Stanford University Press, 1997, p. 98 f.

⁴⁶ М. Фуко, «Воля к знанию», с. 197.

слышится отголосок отношений между «производящим» и «присваивающим классом» в сочинениях Маркса — применяется к нескольким различным и взаимосвязанным терминам; наиболее компактно она сформулирована в книге Делёза «Фуко»: «Фактически диаграмма сил представляет, помимо (или, скорее, “напротив”) единичностей власти, соответствующих властным отношениям, еще и единичности сопротивления, такие “точки, узлы и очаги”, которые, в свою очередь, осуществляются во всех стратах, но так, что делают эти страты способными к изменению. Более того, последнее слово власти гласит: *сопротивление первично...*»⁴⁷

Эта игра словами наиболее сжато суммирует фукианскую концепцию власти и сопротивления. Власть, со своей стороны, удерживает *последнее* слово, и все же сопротивление *первично*. Указывая, что сопротивление первично, Делёз вводит незначительное методологическое различие, которое в конечном счете делает возможным «пересечь линию». Если Фуко оперативно обеспечивает описание концептов власти и сопротивления, Делёз поясняет — например, также и в отношении государственного аппарата и машины войны или желания и власти, — что термин «первично» обозначает главным образом не темпоральную последовательность, а отношения зависимости⁴⁸.

Вместе с тем Делёз подчеркивает, что социальное поле оказывает сопротивление еще до того, как оно организовано согласно стратегиям власти⁴⁹. Иными словами, власть может основываться только на сопротивлении. Власть, таким образом, следует понимать не только через фигуры восстановления и кооптации, но как принципиально подчиненный компонент по отношению к сопротивлению. В противоположность поверхностному значению таких слов, как оппозиция (*противоположная* позиция), сопротивление становится наступательной, активной фигурой, а не реактивной, фигурой, которая основывается исключительно на себе самой.

⁴⁷ Ж. Делёз, *Фуко*, с. 119–120.

⁴⁸ Ср. также: Жиль Делёз, «Желание и Наслаждение», пер. с фр. С. Фокина, *Комментарии*, 1997, № 11 (Философия искусства). Раздел E: «...первичны (пусть даже не хронологически) линии уклонения». (В этом тексте Делёз предпринимает попытку определить теоретические расхождения между его позицией и позицией Фуко.)

⁴⁹ Ж. Делёз, *Фуко*, с. 120.

В примечании Делёз отсылает к присутствующему у Фуко эху операистских тезисов «Рабочих и капитала» Марио Тронти о «рабочем сопротивлении», которое предшествует стратегиям капитала⁵⁰. Хардт и Негри тоже откликаются на это эхо, когда упоминают о традиции постмарксистского итальянского операизма и уподобляют взаимозависимые отношения «империи» и «множеств» двуглавному орлу⁵¹. Однако в некоторых местах они подчеркивают первенство производительной силы множеств по отношению к пустой, спектакулярной машине имперского господства. «Во всех случаях шаги, предпринимаемые имперской властью, являются регулятивными, а не конститутивными...»⁵². Деятельность этого имперского правительства остается ограниченной негативной функцией, которая по сути своей соответствует логике реакции и незаконного присвоения. Регулятивная и репрессивная империя, сама по себе вообще не обладающая никакой положительной реальностью, приводится в действие сопротивлением множеств. Сопротивление располагается, так сказать, до своего объекта, становится «предшествующим власти»⁵³.

Исходя из этого положения, Хардт и Негри подтверждают необходимость новых *форм* сопротивления. «Воля быть против» в модулирующем плане имманенции глобализации уже выражается не в статичных формах сопротивления, таких как саботаж, например, а, скорее, в мобильном образе действий. Здесь Хардт и Негри вновь заимствуют термины у Делёза–Гваттари, такие как *бегство*, *исход* и *номадизм*⁵⁴, ставя акцент на процессе опустошительного ухода, дестабилизирующего и разрушающего власть. Эти недиалектические термины движения представляются особенно уместными в наши дни, когда вовсе не ясно, кто или что могло бы быть объектом сопротивления в глобальном окружении, как или где

⁵⁰ Ж. Делёз, Фуко, с. 120, прим. 26.

⁵¹ М. Хардт, А. Негри, *Империя*, с. 68–71.

⁵² Там же, с. 335.

⁵³ Там же. Та же фигура повторяется в «Множестве» Хардта и Негри («сопротивление первично по отношению к власти»), когда они ссылаются на предисловие Маркса к «Капиталу»: «Если изложение у Маркса начинается с капитала, то его исследование должно начинаться с труда и непременно учитывать, что в действительности в основе всего лежит труд. То же самое верно и в отношении *сопротивления*» (Майкл Хардт, Антонио Негри, *Множество: война и демократия в эпоху империи*, пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006, с. 88).

⁵⁴ М. Хардт, А. Негри, *Империя*, с. 199–203.

можно было бы определить оппозицию. В вышеописанной ситуации, когда государство как объект революционного желания отпадает и конфигурация отношений между властью и сопротивлением оказывается все более и более сложной, все труднее становится уловить и специфическое различие.

Хардт и Негри описывают эту непростую ситуацию с ее все более неуловимыми властными отношениями термином «а-локальность эксплуатации»⁵⁵. Эксплуатация и подавление становятся настолько аморфными, что не остается места, где от них можно было бы укрыться. Какую же наступательную, активную форму может иметь тогда бытие-против, когда мы рискуем потонуть в одном всеобъемлющем антиглобалистском общем месте, а именно что «власть повсюду и одновременно нигде»? Для этой ситуации, лишенной внешнего по отношению к себе пространства, лишенной центра, «Империя» предлагает на удивление простую стратегию: если механизмы власти функционируют без центра и без центрального контроля, то нужно просто-напросто атаковать власть повсюду, из любого локального контекста⁵⁶. Это решение выглядит подходящей теоретической предпосылкой для микрополитических практик, которые осуществляют сопротивление гетерогенными способами, атакуя конкретные частные аспекты становящегося все более глобальным управления и контроля.

ПОСТНАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ И НОНКОНФОРМНАЯ МАССА

Каким бы убедительным и привлекательным не выглядел тезис Негри — Хардта о вездесущности бытия-против, он все же остается произвольным и расплывчатым: даже если «быть против повсюду» вдвойне логично — как возможность повсюду находиться в оппозиции, равно как и необхо-

⁵⁵ Там же, с. 197–199.

⁵⁶ Там же, с. 200: «И поскольку нет больше пространства, которое могло бы быть признано внешним, мы должны быть против повсюду». См. также: Gerald Raunig, *War Machine Against the Empire. On the Precarious Nomadism of the PublixTheatreCaravan*, Marita Muukkonen, ed., Helsinki: NIFCA, 2002, p. 134–136 (<http://www.eipcp.net/transversal/0902/raunig/en>).